

О. А. Соловова
Челябинск, Россия

**ЗНАЧИМЫЙ «ДРУГОЙ»: РОССИЯ И АМЕРИКА
(ЛИНГВОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА XIX ВЕКА)**

АННОТАЦИЯ. Лингвополитическая прогностика — новое направление в исследовании политического дискурса, которое предполагает системное обединение положений прогностики, политологии и когнитивной лингвистики. Используя инструментарий прогностики, политологии и когнитивной лингвистики, лингвополитическая прогностика изучает модели и сценарии будущего, материалом для конструирования которых служат поисковые прогнозы авторов аналитических статей политического дискурса (прогностические политические тексты) различных хронологических срезов. Ключевой единицей познания является когнитивная метафора. В настоящей статье представлен фрагмент исследования ретроспективных моделей будущего России, выполненного в рамках лингвополитической прогностики на материале американского политического дискурса XIX века. Ретроспективная модель будущего представляет собой систему концептуальных допущений о положении дел в будущем России с точки зрения прошлого (1855–1881). Модель будущего не только позволяет представить альтернативы развития настоящей ситуации в развернутой форме, но и проникнуть в прошлое и изучить его, поскольку понимание политического дискурса предполагает знание фона, ожиданий автора и аудитории, скрытых мотивов, сложных схем и излюбленных логических переходов, бытующих в конкретную эпоху.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвополитическая прогностика; политический дискурс; будущее; категория прогностичности; прогностический политический текст; метафора.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Соловова Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Общая лингвистика» Южно-Уральского государственного университета (национально-исследовательского университета); адрес: 454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76, ауд. 223; e-mail: solopovaolga@yandex.ru.

В последние десятилетия отношения между Вашингтоном и Москвой постоянно балансируют между дружбой и противостоянием: за «медовым месяцем» следуют скандалы и ссоры, на смену от тепелям приходят охлаждение и непонимание, что заставляет журналистов, политиков, политологов прогнозировать вероятные перспективы развития российско-американских отношений, поскольку отношения двух стран на протяжении столетий имеют ключевое значение не только непосредственно для России и США, но и для настоящего и будущего иных стран — участниц мировой политики.

Политическая деятельность, любое политическое действие, активные участники политических процессов ориентированы на перспективу, что выдвигает категорию прогностичности как содержательную категорию политического дискурса на первый план и обуславливает актуальность лингвополитической прогностики — нового направления в исследовании политического дискурса, возникшего на стыке прогностики, когнитивной лингвистики и лингвополитологии. Будущее как предмет общения и объект рефлексии оказывается востребованным и значимым для политического дискурса: результат любого политического действия (поскольку оно актуально и не завершено) с неизбежностью отсылает к будущему — к тому, чего еще нет. В этой перспективе видится любое настоящее событие.

Политическое предвидение «практически вовлечено в создание реальности того, о чем оно возвещает, тем, что предвидит его и позволяет предвидеть, делает его прием-

лемым, а главное, вероятным, тем самым создавая коллективные представления и волю, способные его произвести» [Бурдье 2003: 34]. Политическое настоящее представляет как поле возможностей, ориентиром для которого служит будущее: когда общества «проецируют себя в будущее <...> они говорят лишь о своем настоящем, о своих устремлениях, надеждах, страхах и противоречиях современности» [Шмитт 2008: 132]. Как отмечают О. Ф. Русакова и Д. А. Максимов, дискурсы представляют собой «мощный властный ресурс, посредством которого государственные и общественные институты осуществляют свою саморепрезентацию и легитимацию» (настоящее), «конструируют и продвигают те или иные образы реальности» (будущее) [Современные теории дискурса 2006: 26].

Настоящее и будущее неразрывно связаны между собой. Процесс моделирования будущего по сути является процессом познания человеком и обществом настоящего: человек и общество не столько отражают окружающий мир, сколько строят его, организуют в соответствии с собственными установками, целями и желаниями, формулируют приоритеты будущего, конструируют его образ. «Политическое настоящее получает смысл, определяемый возможностями и ресурсами целенаправленного воздействия на развитие ситуаций в желательных направлениях» [Кара-Мурза 2011: 11], т. е. анализ событий политической действительности нацелен на определение важнейших факторов развития ситуации настоящего, возможностей их изменения для получения жела-

тельного результата, общего вектора развития и конкретных целей.

Однако правильное решение любой политической задачи требует знания методов, лучших путей ее решения, обращения к истории всего человечества и к истории государства, упомянутого в задаче. Поэтому перед прыжком в будущее носители нового мироощущения неизбежно отступают подальше в минувшее, выбирая траекторию для разбега: в прошлом заложены причины текущего состояния, оно позволяет понять настоящее, объяснить будущее: «Присутствие прошлого в настоящем делает возможным присутствие настоящего в будущем» [Bourdieu 1997: 251]. В политическом дискурсе прогнозирование грядущих событий опирается на анализ предыдущих состояний: «общества мобилизуют свою память и реконструируют собственное прошлое, чтобы обеспечить свое функционирование в настоящем и разрешить актуальные конфликты» [Шмитт 2008: 132]. Прогностичность политического дискурса оказывается неразрывно связанной с ретроспективой.

Будущее синтезирует в себе «акт ретроспективного анализа как выявление тенденций развития из прошлого, акт логического суждения как попытку осмыслить настоящее и акт воображения и интуитивного выбора субъекта прогноза как вариант проспективного видения» [Асеева 2010: 13]. Рефлексия человечества в познании будущего в различных отраслях научного знания непременно отталкивается от полученного опыта и настоящих тенденций, то есть неизменно соотносится с прошлым и настоящим, которые придают будущему осмысленность, направленность, временную перспективу и ретроспективу.

Будущее встроено в политический контекст настоящего и определено прошлым. Артикуляция альтернативных политических установок предполагает моделирование общественно-политической ситуации настоящего, ревизию прошлого опыта, переструктурирование смыслов для создания политических возможностей и ожиданий будущего. Нераздельная связь будущего с настоящим и прошлым представляет собой хронологическую модель времени, на базе которой и строятся прогнозы будущих событий. Репрезентация общественно-политической ситуации осуществляется за счет моделирования образов определенного пласта реальности (прошлого, настоящего, будущего): либо в совокупности аксиологической значимости данных темпоральных концептов для социума, либо в моделировании отдельных фрагментов прошлого и настоящего и их влияния на формирование и концептуализацию мо-

дели будущей реальности, именно поэтому лингвополитическое прогностическое исследование включает ретроспективный анализ, который предполагает историческую репрезентацию моделей будущего.

В настоящей статье представлен фрагмент исследования ретроспективных моделей будущего России, выполненного в рамках лингвополитической прогностики на материале американского политического дискурса XIX века (1855—1881).

Материал исследования включает разнородные по концептуальной и стилистической дифференции прогностические тексты, в каждом из которых репрезентируются множественные образы будущего России, что позволяет представить разнополярные сценарии будущего (как мрачные, так и светлые), из множества индивидуальных образов собрать, как мозаику, представление о будущем России и избежать возможной «пристрастности» того или иного «эксперта» в случае выбора однотипных изданий. Кроме того, в исследованиях по истории и историографии отмечается, что в США собственные политические различия (демократы, республиканцы) в исследуемый период практически не влияли на отношение к России. К примеру, среди демократов, занимавших пост посланника США в Санкт-Петербурге, встречались «русофоб» Дж. Рэндолф и «русофил» Дж. Бьюкенен, среди посланников-вигов были невзлюбивший Россию Нейл С. Браун и завязавший обширные контакты и позднее пропагандировавший русские успехи Чарльз С. Тодд [Курилла 2005]. Ошибочным представляется также распространенное в историографии суждение о большей симпатии, которую якобы испытывали к Российской империи южнорабовладельцы.

К важнейшим факторам, определявшим оценки американцами настоящего Российской империи и ее вероятного будущего, относят векторы ее внешней политики и отношение России к революционным движениям в Европе.

В XIX веке Российская империя является одним из главных мировых политических центров, где принимаются решения, касающиеся геополитических проблем. Россия обладает значительными возможностями для эффективного решения своих внешне-политических задач по защите собственных границ и по расширению территории в соответствии с национальными, геополитическими, военно-стратегическими и экономическими интересами страны. Россия является великой державой, которой следует держаться, именно поэтому в американском политическом дискурсе ретроспективного сре-

за будущее Российской империи и США часто моделируется в одном контексте: *They are new nations, emerging like Minerva from the head of Jupiter, full armed and equipped from the civilization of the old world. They must run their career of growth and glory, and if left to run it freely I believe the grace of God will enable them to pursue that career for the profit and blessing of our common humanity. Russia and the United States of America can rule the world* (The New York Times, 03.12.1861 (US)).

Обе страны являются «новыми» державами, примерно в одно и то же время начавшими принимать деятельное участие в делах Европы, но так и не ставшими Европой [Курилла 2015]. Осознавая собственную исключительность и миссию, Россия и США противопоставляют себя Европе; дистанцируясь от нее, создают новую «свою» реальность. Две молодые державы, словно Минерва, родившиеся из головы верховного бога, старой Европы, в полном облачении: в латах, шлеме, с мечом и щитом — готовы в будущем поделить между собой мир.

Интересно отметить, что в политическом дискурсе США для моделирования будущего двух стран (России и Америки) в одном контексте активно используются метафорические единицы фрейма «Небесные тела» (метафорическая модель «Неживая природа»): *As we look into the future, with the past and the present for our guides, we see two great objects looming up conspicuously above all others, Russia and the United States, each one having double the population that is now possessed by all Europe* (New York Advertiser, 15.03.1865 (US)). Единицы рассматриваемого фрейма репрезентируют будущее двух планет-гигантов — Российской империи и США, прогнозируя размах и масштабность будущих преобразований, удаленность двух держав от государств Старого Света.

Будущее России и США — это рост, экспансия, слава и триумф на благо всего человечества: *The great republic and Russia undoubtedly mean to expand; it is their manifest destiny; but it is unlikely that in fulfilling their mission they will copy the selfish and unscrupulous policy of England and France* (Sacramento Daily Union 18.10.1866 (US)). По мнению ряда исследователей, в XIX веке определяющими факторами в развитии двух стран являлись экспансия и колонизация (В. О. Ключевский, D. W. Treadgold, F. J. Turner). Обе страны являлись примерами долговременной и планированной стратегии экспансии. Им предначертаны судьбой завоевание территорий и освоение земель, что, безусловно, окажет влияние на будущее всего мира.

Америка, магистральной линией развития с первых дней существования которой является экспансия в континентальной и колониальной формах (от первого территориального приобретения независимых Соединенных Штатов — покупки штата Луизианы у Франции (1803 г.) до фиксации основного массива американской территории в результате покупки территории у Мексики (1853 г.) [Миньяр-Белоручев, 2009]), считает территориальное расширение государства столбовой дорогой к мировому господству: *If Russia and America were once closely allied, they must divide Europe and America between them and rule the world* (Sacramento Daily Union, 20.10.1863 (US)). Америка отчасти видит в Российской империи себя, свои собственные амбициозные устремления, цель которых — доминировать на международной арене: *The ultimate hope of the Russian is to rule the East, and so to make his nation mighty in Europe also* (The Daily Journal, 22.04.1867 (US)). Исторически и географически Россия обладает рядом параметров великой державы: значительная по масштабам территория, большая численность населения, самобытность и самодостаточность культуры, однако достижение статуса сверхдержавы без экспансии невозможно.

Имперские амбиции и экспансионистская политика считаются благотворным для государства фактором, движущей силой, обеспечивающей движение страны по прогрессивному пути развития, поскольку путь самой Америки. В американском дискурсе в целом дается положительная оценка доминированию Российской империи на европейском пространстве, возможной территориальной экспансии страны и, следовательно, военным конфликтам: *With Russia dominant at Constantinople, a Russian navy on the Black sea, there is a power, when once firmly established, that could dictate to Europe. England will not allow Russia to occupy Constantinople and it is equally transparent that Russia will not yield up the results of the late war. Whether the two powers can strike a line where their interests will not conflict remains to be seen. At present it looks decidedly war-like* (Ogdensburg Advance and St. Lawrence Weekly Democrat, 18.04.1878 (US)).

При моделировании экспансионистских действий страны в настоящем и в будущем наиболее частотны лексические единицы *to absorb* (поглощать, всасывать), *to swallow* (поглощать, проглатывать): *Russia is the progressive, ambitious and absorbing power of the East. In any event we shall see the aggrandizement of Russian influence in the*

East (Springfield Republican, 23.12.1876 (US)); *Our friend and ally, Russia, is fast swallowing the greater portion of the Asiatic Continent* (Sacramento Daily Union, 21.11.1877 (US)). Для рассматриваемых единиц характерен общий компонент «вбирать в себя, проглатывать с жадностью, быстро или в большом количестве», что позволяет смоделировать широкомасштабную экспансию Российской империи, скорость достижения поставленных результатов, включение присоединенных в настоящем и в будущем территорий и проживающих на них народов в зону ассимиляционного воздействия России.

В американском политическом дискурсе рассматриваемого хронологического среза поглощение Российской империей иных территорий оценивается положительно, воспринимается как историческая данность, как проявление общемировой экспансии, намечается выход на новые исторические рубежи экспансии. Экстраполингвистическими факторами, влияющими на формирование позитивной оценки территориального расширения Российской империи, являются активная экспансия самих США, длительный период союзнических отношений России и США, интенсивность русско-американских контактов в рассматриваемый исторический период. Лингвистическими средствами позитивной оценки экспансионистских устремлений России является включение в единый ряд следующих характеристик Российской империи, воспринимаемых как контекстуальные синонимы: «прогрессивная, амбициозная, всепоглощающая» (*progressive, ambitious and absorbing*), — предвосхищение новых перспектив экспансии (*we shall see the aggrandizement of Russian influence*), прямые номинации «друг», «союзник» (*our friend and ally*), транслирующие идею единообразного видения внешнеполитических устремлений государства.

Позитивно нагруженные компоненты «бережливости», «сохранности» собственности актуализирует метафора «прижимистость»: **Russia is extensive but inexpensive.** *It is not the custom of Russia to retreat from an advance, and what she has gained she hardly ever relinquishes* (Sacramento Daily Union, 22.12.1866 (US)). Прижимистость, нерасточительность как метафорические черты характера Российской империи, атрибутированные ей в американском политическом дискурсе, моделируют расчетливое, продуманное, экономное и бережливое отношение страны к территориальным ресурсам.

Востребована в моделировании будущего Российской империи физиологическая метафора, в рамках которой наиболее ак-

тивны единицы слова «Верхние конечности» (arm, hand): **Russia is constantly spreading out her arms** and her conquests toward the British Indian possessions, and some day they must be divided only by a boundary line (Daily Alta California, 02.11.1872 (US)). Российская империя «кладет, простирает руки, протягивает руки вперед, держится руками, опирается на них», стремясь захватить как можно больше территориального пространства и занять его собой. Активность метафорических единиц субсферы-донора «Руки» обусловлена спецификой моделирования будущего Российской империи (территориальная география России будущего), дискурсивными факторами (активная экспансия Российской империи в рассматриваемый период времени), функциями верхних конечностей, среди которых на первый план в моделировании воображаемой географии Российской империи выступают хватательная и опорная функции. Высокую активность проявляет метафора *hand* (рука, кисть), связанная с наиболее подвижной частью верхней конечности, соединяющей в себе силу и многостороннюю подвижность: **With one hand she (Russia) reaches the ramparts of Constantinople; with the other, she leans upon the provinces of the Celestial Empire** (Orleans Independent Standard, 11.01.1856 (US)). Частотное использование рассматриваемой метафорической единицы указывает на исключительную способность России выполнять многочисленные и разнообразные сложные движения в реализации внешнеполитической экспансии.

Напор и активность внешнеполитической деятельности Российской империи актуализируют единицы источниковферы «Животный мир». В рамках зооморфной метафорики востребованной является «медведь» метафора: **Just so soon as the great Northern Bear gets wind of this irritation on the part of his neighbor, he will simply turn over, give one considerable growl, make a sudden clutch and after that, all be at peace.** *The fact of the matter is, if Alexander wants Roumania and Servia sliced from the breast of the Turkey, his carving knife is ready for the work, and no other in Europe can stop him* (The Benton Record, 10.11.1876 (US)). **Both Turkey and China will one day become the Bear's prey;** *and, far richer and of wider extent than the old Roman Empire, Russia will spread over the two hemispheres; from the Caucasus to the Rhine, from Finland to India* (Orleans Independent Standard, 11.01.1856 (US)). Образ северного медведя, одного из самых крупных хищников планеты, позволяет вербализовать представление о масштабности, ак-

тивности и силе Российской империи. В отличие от американского дискурса последующих столетий, где медвежья метафора имеет яркую негативную окраску (грубая сила, неотесанность, варварство, лень), в данном сегменте фрагментации на первый план при характеристике России-медведя выступают положительные качества: подвижность, энергичность, внезапность, выносливость, способность развивать большую скорость, проходить большие расстояния в поисках пищи. Подобный вектор концептуализации напрямую соотносится с характером российской экспансии в рассматриваемый исторический период, с отношением Соединенных Штатов к Российской империи, являющейся для Америки своего рода меркой, с которой последняя сравнивает собственное развитие. Медведь олицетворяет как само государство, так и его правителя, искусно отрезающего разделочным ножом куски от тел своей добычи. Авторы американских аналитических статей прогнозируют дальнейшее территориальное расширение Российской империи, акцентируя его позитивный результат: России суждено стать крупнее и богаче Римской империи, занимая территорию от Кавказа до Рейна, от Финляндии до Индии.

В политическом дискурсе США активны яркие авторские метафоры сфер-доноров неживой природы и пути, нацеленные на концептуализацию будущего российской державы, акцентирующие идею исторической обусловленности ее территориальной экспансии: *It not only was a natural tendency, but as natural as the descent of the glacier to the valleys, forging downward by a slow but irresistible pressure. Obstacles may retard the progress, but not arrest it; and Russia is but following the course of nature as well as history in pouring down nomad hordes and hardy Scythians on the more cultivated territories lying a more genial climate. Railroads and telegraphic wires supply her with means of transport and quick transit over vast spaces never enjoyed by her great predecessors in this line of march; let us hope, too, that more civilizing influences will follow her track, through regions never highly favored in this respect, than marked the passage of a Genghis Khan or a Timor* (The New York Times, 13.11.1873 (US)). Пространственная реальность Российской империи будущего, представленная в американском политическом дискурсе, интерпретируется в метафорах неживой природы. Наиболее частотной из них является метафора «ледника», медленно и уверенно спускающегося с северных вершин и погребающего все на своем пути, метафора глыбы льда, которая вряд ли рас-

тает. Метафора медленного, неуклонного движения ледника подчеркивает целенаправленность, размах и всеохватность экспансии Российской империи. Препятствия, возникающие на ее пути, могут лишь притормозить преобразования, но не остановить их. Метафорическая форма высказывания позволяет повысить степень интенсивности и эксплициатности эмоций, оказывая требуемый воздействующий эффект на адресата при описании великого политического будущего империи, которая непременно должна двигаться вперед: территориальное расширение Российской империи является естественно-историческим процессом, реализацией ее исторической миссии, определяющей судьбу русского народа в его настоящем, прошлом и будущем.

Метафора «ледника» передает идею масштабности, значительности происходящих и вероятных маневров Российской империи: *There is, indeed, something awe-inspiring in the calm, persistent, passionless advance of the great Northern power. It is like the progress of a glacier, but of a glacier endowed with a purpose* (Sacramento Daily Union, 15.05.1875 (US)). Бескрайние массы льда, спускающиеся с вершин, способные остановить течение крупных и мелких рек, безмолвные, бесстрастные, постоянные в своем движении, наводят на мысль о серьезной опасности, которую могут представлять тем, кто встретится на пути.

Интересно отметить, что, несмотря на разницу сфер-доноров, нацеленных на моделирование будущего России, большинство прогностических контекстов пронизано концептуальными векторами масштабности, огромности, величия (колossal, гигант, огромный северный медведь, глыба льда времен ледникового периода и др.): *And now it is in the way of the onward sweep of the northern Colossus, and the wild Cossacks and the grey-coated Infantry of the Czar will, ere long, win this country for their master, and bring his realm down to the Persian border, which country may next offend, and suffer alike fate. That done, Russia has an outlet to the ocean through the Persian Gulf. Thus, steadily, the great Northern Bear moves on his way, as certain and relentless as fate itself* (Daily Alta California, 02.11.1872 (US)). Положительная оценочность, заложенная в образах, обусловлена сферой-мишенью — geopolитическим положением России, территорией, занимаемой Российской империей в настоящем, ее интенсивным расширением, перспективами дальнейшей экспансии, которые являются глубинным основанием значимой роли России в мировой истории: в ее про-

шлом, настоящем и будущем. В прогностическом контексте превалирует позитивная оценочность, эксплицируемая также единицами метафорической модели пути (*the great Northern Bear moves on his way*): огромный северный медведь идет избранной им дорогой, уверенный и непреклонный как сама судьба (*as certain and relentless as fate itself*); выбором видо-временной формы глагола (*moves — Present Simple*) в значении факта, истины, подтвержденных историческим развитием государства, его прошлым, настоящей внешнеполитической активностью страны и новыми перспективами. Неизменность, поступательность движения Российской империи по выбранному пути акцентируется обособленным обстоятельством образа действия (*steadily — поступательно, неизменно, устойчиво*).

В американском политическом дискурсе ретроспективного хронологического среза (1855—1881) меняющийся геополитический ландшафт России становится ядром прогностических рассуждений о ее будущем, о будущем Европы и всего мира. Воображаемая география Российской империи является условием существования и прогресса имперской державы. Ответ на вопрос о геополитических очертаниях Российской империи в будущем очевиден: ее пространственное расширение существенно изменит географию мира в целом.

Футуральный компонент часто интегрирован в физиологическую метафору, представляющую модель естественного развития индивидуального организма — от младенчества до зрелости, возрастная градация (детство, юность, молодость) указывает на направленность в будущее: *Russia is the one youthful empire of the Old World. The Russian race grows and gathers silently and swiftly within its mighty cradle for the overshadowing, as every Russian in his heart devoutly believes in the absorption at the appointed day of all that now strives and struggles in Europe. The progress of Russia is the march of civilization. The world is benefitted by her great movements. The manifest destiny of Russia is sure to be in its ultimate domination over Europe and Asia* (Malone Palladium, 28.07.1870 (US)). Метафора «юной империи» (*the youthful empire*) представлена в сильной позиции текста (в начале абзаца), она открывает прогностический контекст, задает ему тональность и определяет его направленность: юность империи предполагает ее активность, деятельность, энергичность, жизненную силу (*youthful — молодой, юный, новый, активный, деятельный, живой, энергичный*). В юности страны состоит уникальность

Российской империи, ее отличительная особенность от иных европейских держав, что акцентируется введением в контекст прилагательного *one* (*the one youthful empire; one (adj) — единственный, уникальный, единственный в своем роде*). Противопоставленность юной Российской империи и Старого Света, являющаяся одним из дискурсивных факторов, способствовавших сближению России и США в рассматриваемый исторический период, моделирует развитие любого государства как жизненный процесс, который проходит через определенную последовательность стадий (рождение, детство, юность, молодость, зрелость, старость, смерть). Метафорические единицы, указывающие на молодость Российской империи (*the youthful empire, the cradle*), несут в себе позитивный эволюционный заряд, стремятся в будущее, к развитию и зрелости, в отличие от старушки Европы, которая доживает свой век: Российская империя имеет все шансы достичь заветных вершин, стать ведущей империей Старого Света.

Метафора юности России, ее устремленности в будущее, постепенного неуклонного развития поддерживается единицами, вербализующими рост и развитие государства (*to grow — расти, вырастать, увеличиваться, усиливаться, to gather — собирать, накапливать, набирать (скорость, ход)*), которые, в свою очередь, акцентируют выбор видо-временных форм глагола. Значение видо-временной формы *Present Continuous* (пролонгированного действия в широком настоящем, действия в развитии в настоящий период времени) передается формами *Present Simple* для акцентуации факта, а не процесса, непрерывного роста Российской империи (*The Russian race grows and gathers silently and swiftly*). Ситуация, обозначаемая презентными формами глагола, переосмысливается как занимающая непрерывный временной интервал независимо от ее фактического распределения во времени.

Процессы роста, накопления сил, собирания Российской империи определяются наречиями в функции обстоятельств образа действия: наречие *swiftly* (*быстро*) указывает на скорость становления страны, на ее стремительное движение из настоящего в будущее. Наречие *silently* (*тихо*) подчеркивает незаметное для европейских держав, увлеченных внутриевропейскими конфликтами и борьбой за приобретение новых колоний (*all that now strives and struggles in Europe*), превращение государства в великую сильную державу, которая своими действиями способна существенно затронуть их

интересы. Щедро отпущеные России огромная территория и природные богатства представляют собой «мощную колыбель» (*its mighty cradle*), в которой формируется и складывается империя, колыбель, определяющую место и значение страны в мире, ее роль, уникальную цивилизационную миссию, перспективы и возможности, которые она сможет реализовать в будущем.

Положительная оценочность, заложенная в физиологической метафоре «юная империя», объясняется субъектцентричностью прогностического текста / контекста: сами США являются по меркам Старой Европы молодой державой, поэтому «юность / молодость» государственного организма трактуются в позитивном ключе. Цель и миссия Российской империи обусловлены самой природой государства, которое стремится выразить свои потенциальные возможности; они состоят в экспансии влияния и в доминировании как в Европе, так и в Азии (*the overshadowing, the absorption, its ultimate domination*). Собственные амбициозные устремления Америки, цель которой — доминировать на международной арене, предопределяют смыслы, транслируемые отглагольным существительным *overshadowing* (*to overshadow — теряться в тени, вытеснять, отбрасывать тень*), модифицируя и трансформируя его основное значение, нивелируя негативную эмоциональную окраску: Российская империя станет более влиятельной, перевесит и оставит в тени иные европейские державы.

Молодость страны воплощает стремление к самореализации и указывает путь, которого следует держаться, что актуализирует метафору пути (*the progress of Russia, the march of civilization, her great movements*), которая в прогностическом тексте получает особое значение благодаря тому, что, во-первых, является воплощением единства временной триады прошлого, настоящего и будущего, предопределяя моделирование будущего как движения страны по своей естественной траектории, во-вторых, в контексте политической реальности закладывает фундамент понимания направления и связанной с ним целесообразности движения государства. В политическом дискурсе США яркие авторские метафоры рассматриваемой источниковой сферы нацелены на концептуализацию не просто светлого, но величественного будущего державы, путь и развитие которой влияют на судьбы мира. Представленные метафорические единицы (*the progress of Russia* (прогресс, развитие, движение вперед, продвижение), *the march* (путь, эволюция, развитие, прогресс), *her great movements* (великие движения)) несут в

себе позитивный заряд, актуализируя семы движения вперед, эволюционного пути развития, продуцируя образ светлого будущего России, которая находится на пути превращения в великую и могущественную державу — Россию, как она должна быть.

Блестящее будущее России предопределено, доминирование Российской империи в Европе зависит непосредственно от ее желания, будущее наступит в назначенный, известный ей день (*at the appointed day*). Семантика предопределенного будущего, убежденность адресата в наступлении будущих событий заложена в футурально-модальной конструкции «*to be sure*» (*The manifest destiny of Russia is sure to be in its ultimate domination over Europe and Asia*), имеющей значение «предположения, граничащего с уверенностью», «будущего действия с большой степенью вероятности»: судьба России очевидна — окончательное доминирование в Европе и в Азии.

Проанализированный прогностический контекст в полной мере иллюстрирует основные тенденции, типичные для моделирования будущего Российской империи в позитивном ключе в американском политическом дискурсе ретроспективного среза: Россия, несмотря на свою молодость и благодаря ей, предстает как лидер, агент экспансии. Ее вес в международных делах огромен, она является носителем определенных ценностей и потому отлична от других. Уникальный внутренний потенциал России — географический, природно-ресурсный, интеллектуальный, духовный — обуславливает возможность быть системой, обращенной к будущему и устремленной в него, системой развития и самодостаточности, которой суждено быть великой империей будущего. Именно метафора определяет «крайнюю» альтернативу будущего, выстраивая единую смысловую нить прогностического текста / контекста, на которую «нанизываются» частные смыслы, формируемые иными лингвистическими средствами.

Анализ корпуса текстов американского политического дискурса показывает, что в ретроспективном хронологическом срезе Россия и Америка выступают как друзья и партнеры, внушающие друг другу большую степень доверия: *The friendship existing between the United States and Russia, the one a free Republic, and the other a complete autocracy, is none the less configured* (Daily Colorado Miner, 21.05.1873 (US)). В дискурсе США о будущем Российской империи указанная тенденция реализуется эксплицитно при помощи специальных маркеров — прямых номинаций «друг», «союзник» (а ком-

mon friendship, a good friend, traditional relations of amity and friendship, our friend and ally, a sincere friend, and a steadfast foreign friend, some notable examples of a steadfast friendship, an ally of the American Union, a convincing proof of the sincerity of the friendship between Russia and the United States, our best friend in the European family, etc.), специализированных вербальных знаков интеграции: личных и притяжательных местоимений с семантикой единства (we, they, our, their), лексем совместности (both, together, common, mutual, etc.): *Between the great Empire of Russia and the United States the mutual friendship which has so long existed still continues to prevail, and, if possible, to increase. Indeed, our relations are all that both countries could desire* (The Journal and Republican, 12.12.1860 (US)).

Америка смотрит на Россию и оценивает ее будущее через призму либерально-демократических постулатов, таких как свобода, демократия, права человека, тогда как Россия строится и стоит на других идеях и ценностях, которые заданы ее историческим развитием: *Russia has been our good friend, never our enemy, and it is not in the American heart nor in the American Government to feel toward that nation anything opposite to friendship and a hope of her future prosperity, although we may not approve wholly of the Russian system of Government* (Daily Alta California, 18.05.1877 (US)). Культ личной свободы, отличающий Америку с момента ее основания, резко контрастирует с образом самодержавной России, страны с глубоко укорененными традициями доминирования государственных интересов над индивидуальными. Несмотря на разницу в системах государственного устройства, собственные внешнеполитические интересы, капризы и изменчивость международной дружбы, две страны, по мнению американских аналитиков, являются примером прочных дружеских отношений, которые в будущем станут еще надежней и крепче: *The cordial intercourse which exists between the representatives of the two Powers wherever they meet upon common ground, is but the expression of a great political fact, to which every year promises to impart a deeper and a wider significance* (The New York Times, 26.09.1860 (US)).

Лояльные отношения между Российской империей и США, взаимное доверие и тесное сотрудничество обеих держав в военной области, начавшиеся во время Крымской войны, продолжаются и в последующие годы. Кульминацией сближения двух держав становятся 1860-е годы — время Польского восстания в 1861—1863 годах и Гражданской войны в

Америке. Америку и Россию объединяет единый взгляд на политику Великобритании. Российское правительство видит в Америке будущую союзницу в решении вопросов европейской и дальневосточной политики. США, в свою очередь, считают Россию державой, способной оказать поддержку в борьбе с Англией и Францией на территории США. Сказанное объясняет концептуализацию настоящего Российской империи и вероятного развития событий в будущем в позитивном ключе в американском политическом дискурсе анализируемой исторической эпохи.

Россия представляется как страна, обращенная в будущее (*the power of tomorrow*). Не ставится вопроса о цельности Российской империи, о том, быть ей или не быть; это нация будущего, народ, который сыграет главную роль в мировом развитии: *The entire history of Russia seems to favor the supposition that at some future time it has a destiny to fulfill. Almost every year adds new strength to her powerful arm, new wealth to her vast resources. Other nations have grown to maturity, decayed and passed away within the period of her history, but Russia remains, still growing* (Colorado Transcript, 09.03.1878 (US)). Употребление презентных форм английских глаголов в трактовке грядущих событий эксплицирует «прочность» будущего, «неизменность» настоящего в будущем, что соответствует концепции «беспризнаковости, неопределенности форм настоящего времени» [Виноградов 1947; Исащенко 1960; Якобсон 1985; Comrie 2000]. Формы настоящего времени обозначают «действие при всяких условиях, обычное, постоянное, и вследствие этого как бы присущее, свойственное субъекту» [Виноградов 1947: 571]. Будущее утрачивает свои специфические черты, обращается в настоящее. Ситуация, обозначаемая формами настоящего времени глагола, осмысливается как занимающая непрерывный временной интервал: иные уходят в историческое небытие, Россия остается, растет и развивается и всегда останется на мировой арене.

Романовский период сближения двух систем, совпадение, а если точнее, непрекращаемость интересов Российской империи и США в рассматриваемый исторический период позволяет заложить фундамент для формирования позитивного образа будущих отношений двух стран и будущего России в американском политическом дискурсе.

Однако сходство двух стран, склонных к территориальной экспансии, могущественных, амбициозных и устремленных в будущее, может повлечь их неизбежное геополитическое столкновение: *Russia's strength is*

America's weakness, and the final struggle, if there shall be a final one, at least the never-ending one between the two principles of authority and liberty, of concentration and expansion, of centralization and decentralization, must be one day between Russia and the United States, if no country interferes (The New York Times, 28.08.1863 (US)). Идеологически Россия и США представляют собой антиподы. Американцы, придерживаясь представления о собственной исключительности, считают свою страну идеальным образцом общественно-политического устройства. Аналитики XIX века прогнозируют, что последняя решающая битва между авторитарией и либерализмом состоится именно между Россией, представляющей первый режим, и Америкой, олицетворяющей свободомыслие. В ином случае это будет постоянная непрекращающаяся борьба двух систем.

Следует отметить, что в корпусе текстов ретроспективного среза, ориентированных на моделирование будущих отношений Российской империи и США в американском политическом дискурсе, лишь в пяти контекстах ставится под сомнение их «будущая дружба» и прогнозируется вероятное геополитическое столкновение.

В целом в рамках ретроспективной синхронной модели Россия для США выступает как «Значимый Другой», потребность в соотнесении с которым задана множеством факторов — «исторических, географических, политических, экономических, культурных» [Малинова, 2009: 185]. Российская империя для США — равный по силе друг и партнер, которого следует уважать и остерегаться. США выступают на стороне Российской империи, их многое объединяет: обе страны представляют собой расширяющиеся империи, занимающие лидерские позиции, обе определяют настоящее и будущее не только свое, но и всего мира. Россия является «Значимым Другим», существенным ориентиром для США: в XIX веке ее будущее оказывает влияние на будущее Америки и других стран мирового сообщества, что выражается в прогнозируемом качественном изменении их внешнеполитической активности; значимость образа России определяется авторитетом роли России на международной арене, отношениями между двумя странами, которые в существенной мере опосредованы содержанием, целями и задачами деятельности каждой из сторон.

Таким образом, экстралингвистические факторы настоящего того или иного государства обуславливают концептуализацию будущего страны, и, наоборот, предвосхищение будущих событий влияет на поведе-

ние индивида и общества в целом: формируется не пассивно-созерцательное отношение к настоящему, а «отношение деятельное, призванное изменить настоящее для изменения будущего» [Сабурова 2010: 325].

Воздействуя на внеязыковую ситуацию и существующую в сознании социума картину мира, образы будущего имеют возможность вносить корректизы в политическое настоящее, в результате чего созданный образ может стать причиной события. Экстралингвистические факторы влияют на восприятие и интерпретацию образов будущего, и наоборот — конструкты будущих реальностей воздействуют на внеязыковую ситуацию и существующую в сознании социума картину мира, меняя настоящее для изменения будущего, что доказывает самоцентричность и субъектоцентричность политического дискурса: собственные внутриполитические цели и внешнеполитические устремления выступают в нем на первый план, иные агенты внешнеполитической деятельности, их настоящее и будущее рассматриваются прежде всего в связи с интересами того государства, которому принадлежит дискурс.

США, охотно признававшие сходство своей страны с Россией, общность устремлений и сходство будущего стран в дискурсе XIX века (1855—1881), в начале XXI века в процессе конструирования образов настоящей и будущей российской реальности видят в России либо тот вариант «мрачного» будущего своей страны, который им удалось либо удастся предотвратить, либо кривое зеркало собственных проблем, проецируя на предполагаемого / действительного противника негативные стереотипы, чаще всего описывающие собственные черты: позитивная значимость, типичная для ретроспективного среза XIX века (1855—1881), сменилась негативной. Тем не менее следует признать, что будущее России до сих пор представляет для Запада некое знаковое явление, нечто большее, чем просто развитие одной из стран мирового сообщества, Россия остается для США «Значимым Другим»: ее нельзя не принимать во внимание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асеева И. А. Образы прогностического опыта в науке и культуре: на пути к интегративной модели : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.08 / Асеева Ирина Александровна ; Ин-т философии РАН. — М., 2010. 44 с.
2. Бурдье П. Описывать и предписывать. Заметки об условиях возможности и границах политической действенности / пер. с франц. А. Бикбова // Логос. 2003. № 4—5. С. 34.
3. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М. ; Л. : Учпедгиз, 1947. 784 с.
4. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. — Братислава : Изд-во Словацк. Акад. наук, 1960. 570 с.
5. Кара-Мурза С. Г. Управление развитием: предвидение и проектирование будущего // Управление развитием: от прогнозирования будущего к его конструированию (идей,

- методы, институты) : материалы науч. семинара. — М. : Национальный эксперт, 2011. Вып. 9. С. 5—11.
6. Ключевский В. О. Специальные курсы: собр. соч. В 9 т. Т. 6. — М. : Мысль, 1989. 457 с.
 7. Курилла И. И. США и Российская империя в 30—50-е годы XIX века: политические, экономические и социокультурные аспекты взаимодействия : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / Курилла Иван Иванович. — М., 2005. 488 с.
 8. Курилла И. И. 12 тезисов по истории российско-американских отношений. 2015. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/2064407> (дата обращения: 21.02.2016).
 9. Малинова О. Ю. Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности. — М. : Российской политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 190 с. (Россия. В поисках себя...).
 10. Миньяр-Белоручев К. В. ТERRITORIAL'NAYA ekspansiya i razvitiye USA v XIX veke // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. Istorya. 2009. № 41 (179), вып. 38. С. 123—132.
 11. Сабурова Т. А. «Связь времен» и «горизонты ожиданий» русских интеллектуалов XIX века // Образы времени и

исторические представления: Россия — Восток — Запад / под ред. Л. П. Репиной. — М. : Кругъ, 2010. С. 302—331. (Образы истории).

12. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. — Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2006. 177 с. (Сер. «Дискурсология»).
13. Шмитт Ж. К. Овладение будущим // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. — М. : Кругъ, 2008. С. 127—148.
14. Якобсон Р. О. О структуре русского глагола // Избр. работы / Р. О. Якобсон. — М. : Прогресс, 1985. 460 с.
15. Bourdieu P. Méditations pascaliennes. — Paris : Editions du Seuil, 1997. 391 p.
16. Comrie B. Tense. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2000. 151 p.
17. Treadgold D. W. Christianity's Encounters with Non-Western Cultures // Journ. of Religious History. 1993. Vol. 17. P. 383—392.
18. Turner F. J. Rise of the New West: 1819—1829. — Gloucester : Peter Smith, 1961. 177 p.

O. A. Solopova

Chelyabinsk, Russia

**“THE DIFFERENT” THAT MATTERS: RUSSIA AND AMERICA
(LINGUISTIC POLITICAL ANALYSIS BASED ON THE MATERIAL
OF AMERICAN POLITICAL DISCOURSE OF THE XIXTH CENTURY)**

ABSTRACT. *Linguistic political prognostics is a new synthesis of theories and conceptions of future proposed in future studies, political science and cognitive linguistics. Using tools of future studies, political science and cognitive linguistics, linguistic political prognostics studies models and scenarios of future based upon exploratory forecasts made by authors of political texts (prognosticating political text). Thus, the basic constituents of the methods are models of future and scenarios of future in the political discourse of different chronological periods. The central tool in any model and scenario is a cognitive metaphor. Models and scenarios are constructed for each historical period analyzed, they are used to get an idea of possible options for future development of society, helping to better understand the present and the past, the driving forces shaping the future. Models are based on the data obtained from a particular discourse of a certain chronological period. The article presents a piece of the author's approach to studying retrospective models of Russia's future with the help of methods and tools of linguistic political prognostics. The material for the analysis is American political discourse of the XIXth century (1855—1881). The retrospective model analyzed in the article represents a system of conceptual assumptions concerning a hypothetic situation in Russia's future from the standpoint of the past. To interpret this or that political discourse is to know its background, to understand expectations of the author and the audience, their hidden motives, plot schemes and favorite logic transitions typical of a particular historic era.*

KEYWORDS: linguistic political prognostics; political discourse; future, category of prognostication; prognosticating political text; metaphor.

ABOUT THE AUTHOR: Solopova Olga Alexandrovna, candidate degree in philology, associate professor; General Linguistics Chair, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia.

REFERENCES

1. Aseeva I. A. Obrazy prognosticheskogo opyta v nauke i kulture: na puti k integrativnoy modeli: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk : 09.00.08 / Aseeva Irina Aleksandrovna ; In-t filosofii RAN. — M., 2010. 44 s.
2. Burd'e P. Opisyvat' i predpisyvat'. Zametki ob usloviyakh vozmozhnosti i granitsakh politicheskoy deystvennosti / per. s frants. A. Bikbova // Logos. 2003. № 4—5. S. 34.
3. Vinogradov V. V. Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove). — M. ; L. : Uchpedgiz, 1947. 784 c.
4. Isachenko A. V. Grammaticheskiy stroj russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim. — Bratislava : Izd-vo Slovatsk. Akad. nauk, 1960. 570 s.
5. Kara-Murza S. G. Upravlenie razvitiem: predvidenie i proektirovanie budushchego // Upravlenie razvitiem: ot prognozirovaniya budushchego k ego konstruirovaniyu (idei, metody, instituty) : materialy nauch. seminar. — M. : Nauchnyy ekspert, 2011. Vyp. 9. S. 5—11.
6. Klyuchevskiy V. O. Spetsial'nye kursy: sobr. soch. V 9 t. T. 6. — M. : Mysl', 1989. 457 s.
7. Kurilla I. I. SShA i Rossiyskaya imperiya v 30—50-e gody XIX veka: politicheskie, ekonomicheskie i sotsiokul'turnye aspekty vzaimodeystviya : dis. ... d-ra ist. nauk : 07.00.03 / Kurilla Ivan Ivanovich. — M., 2005. 488 s.
8. Kurilla I. I. 12 tezisov po istorii rossiysko-amerikanskikh otnoshenii. 2015. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/2064407> (data obrashcheniya: 21.02.2016).
9. Malinova O. Yu. Rossiya i «Zapad» v XX veke: transformatsiya diskursa o kollektivnoy identichnosti. — M. : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2009. 190 s. (Rossiya. V poiskakh sebya...).
10. Min'yar-Beloruchev K. V. Territorial'naya ekspansiya i razvitiye SShA v XIX veke // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. Istorya. 2009. № 41 (179), вып. 38. С. 123—132.
11. Saburova T. A. «Svyaz' vremen» i «gorizonty ozhidaniy» russkikh intellektualov XIX veka // Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya — Vostok — Zapad / pod red. L. P. Repinoy. — M. : Krug", 2010. S. 302—331. (Obrazy istorii).
12. Sovremennye teorii diskursa: mul'tidisciplinarnyy analiz. — Ekaterinburg : Diskurs-Pi, 2006. 177 s. (Сер. «Дискурсология»).
13. Schmitt Zh. K. Ovladenie budushchim // Dialogi so vremenem: pamyat' o proshlom v kontekste istorii / pod red. L. P. Repinoy. — M. : Krug", 2008. S. 127—148.
14. Yakobson R. O. O strukture russkogo glagola // Izbr. raboty / R. O. Yakobson. — M. : Progress, 1985. 460 s.
15. Bourdieu P. Méditations pascaliennes. — Paris : Editions du Seuil, 1997. 391 p.
16. Comrie B. Tense. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2000. 151 p.
17. Treadgold D. W. Christianity's Encounters with Non-Western Cultures // Journ. of Religious History. 1993. Vol. 17. P. 383—392.
18. Turner F. J. Rise of the New West: 1819—1829. — Gloucester : Peter Smith, 1961. 177 p.